

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 94

Evolution of Worldview and Political Positions of the Senior Elite during Cossack Wars with Poland in 20-40s of the XVII Century

Igor A. Melnichuk

Zhytomyr National University of Agriculture and Ecology, Ukraine
8, Old Lane, 10002, Zhitomir
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Abstract. The article analyses the reasons and consequences of gradual evolution of worldview and political positions of the senior elite in the course of wars between Zaporozhian Army and Poland in 20-40s of the XVII century from the self-identification as a special social group and military caste within Polish-Lithuanian Commonwealth till understanding of their liberation mission and formation of autonomous ideology and politics.

Keywords: senior elite; Cossack Wars; autonomy; political positions; worldview.

Введение. В российской, украинской, польской, турецкой историографии, касающейся проблематики украинского казачества, менее всего изученными выглядят предпосылки глобальных изменений на геополитическом пространстве, включавшем в XVII в. земли Украины и степи Приазовья-Причерноморья, вызванные серией казацких войн с Польшей 20–40-х гг. XVII в. Ещё меньше внимания уделяется исследованию эволюции мировоззренческих и политических позиций казацкой старшины в ходе этих войн, которая привела к формированию у казацкой элиты концепции автономизма украинских земель – в данном контексте можно вспомнить лишь о работах украинских историков И. Иванцова, Ю. Мыщика, С. Смолия, С. Степаненко, В. Сергийчука, Н. Яковенко, польского автора К. Петкевича. Именно поэтому раскрытие означенной проблематики мы обозначаем как цель статьи.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе архивных материалов, трудов украинских и российских историков с использованием методов обобщения, экстраполяции, историко-политического анализа.

Обсуждение. Результаты деятельности в первые десятилетия XVII в. казацких элит и гетмана П. Сагайдачного по реформированию структуры Войска Запорожского и превращению его в профессиональную армию вызвали беспокойство в высших политических и религиозных кругах Речи Посполитой. Особенно – в религиозных, ведь казачество, в этот период взяв на себя ответственность за судьбу украинского православия, на официальном уровне добавило фактор веры к экономическим и сословным причинам противостояния с польскими властями. Полоцкий униатский митрополит Й. Кунцевич в 1622 г., предостерегая польское правительство от необдуманного использования казацкого оружия, прозорливо предвидел, что «они позднее, пренебрегши Богом, его помазаником [королем] и собственной совестью, решатся на еще большие дела, нежели решился Наливайко» [1, с. 184] (Пер. авт.).

Казацкие элиты в 20–40 гг. XVII в. и не могли поступить иначе – фактов религиозных гонений на Православную Церковь и веру в Речи Посполитой в то время накопилось более

чем достаточно. Многие православные не выдерживали экономического и религиозного давления и целыми сёлами шли на Запорожье или бежали в пределы Русского государства. В 1630–1640-е гг. из Украины от гонения поляков на православную веру в Россию переселились два монастыря – Густинский и Ладынский [2, с. 22].

Кроме того, самостоятельная дипломатическая политика Сечи не просто раздражала польские правящие элиты, а зачастую шла вразрез с государственной внешнеполитической позицией Речи Посполитой. Казацкая старшина по-прежнему считала своим неотъемлемым правом заключать на выгодных условиях временные союзнические соглашения с Москвой и Крымом – это был привычный старинный способ добывания «казацкого хлеба». Крымские ханы и до того привлекали казацкие подразделения к своей борьбе с Буджацкой ордой, но прямое вмешательство Запорожья во внутреннюю крымскую распрю между двумя Гиреями – Саадатом и Шагином на стороне последнего переполнило чашу терпения польских властей. Казацкая старшинская элита положительно восприняла как политические трудности Крыма, так и возможность влиять на крымские события, и откликнулась на просьбу Шагин-Гирея о помощи. В декабре 1624 г. с Шагин-Гиреем был подписан прямой договор о союзе с Сечью, причем хан полностью проигнорировал Польшу и обратился к Запорожью как к отдельному независимому государству [1, с. 184].

Последней каплей стала фактическая угроза срыва казаками выстраданного Польшей мира с Турцией. Казацкая старшинская элита, поддержанная низами казачества, справедливо считала борьбу с османской угрозой главным направлением военных усилий, и в течение 1625 г. осуществила три масштабные агрессии на берега Босфора. В ответ турки снова угрожали Польше войной. На гневное письмо, который привез королевский посланец из Варшавы, «запорожцы вызывающе подчеркнули, что им известно о соглашении короля с султаном, но казаки с султаном соглашения не заключали» [1, с. 185]. В ответ Варшава двинула на Сечь регулярные войска.

Хрупкий мир между радикально настроенной частью старшинской элиты, выражавшей интересы грозной казацко-крестьянской массы и польскими властными «ястребами», доминировавшими в Сейме, взлелеянный длительными усилиями и дипломатическим талантом П. Сагайдачного, моментально рухнул.

Навстречу армии коронного гетмана Конецпольского сечевиков вывел казацкий гетман М. Жмайло. На 1625 г. казаков в целом насчитывалось 30 тыс. [3, с. 188], но многие подразделения несли службу по городам, в степных сторожах и засадах, часть отправилась в привычный морской поход, потому гетман вел сечевиков вглубь Украины, где к нему спешили городские полки. В ходе ряда сражений и польские, и казацкие войска были обескровлены – казаки оставили на поле боя 8 тыс. человек, Конецпольский потерял всю конницу, лучшие рыцарские силы и нескольких офицеров [3, с. 188], кроме того, начиналась зима, и польское войско оставалось в степи без лошадей и обозов.

Тяжелое положение обеих сторон заставило их пойти на переговоры, которые, по нашему мнению, выиграны были польской делегацией (возможно, это и послужило причиной избрания под Куруковым гетманом вместо М. Жмайло М. Дорошенко, «казака из школы Сагайдачного» [3, с. 190]). На Куруковских переговорах Польша вернулась к старой идее набора государством казацкого реестра, чего успешно избегал П. Сагайдачный. Старшине было предложено заключить реестр только в 6 тыс., из которой 1 тыс. Должна была нести службу в качестве гарнизона на Сечи, а другие размещались полками в Каневе, Черкассах, Корсуни, Белой Церкви и других пограничных городах. Старшина согласилась, чем заложила, по сути, заряд взрывчатки и подказацкое единство, и под покой Речи Посполитой на десятилетия вперед. Столь незначительный реестр никоим образом не мог вместить всего профессионального казацкого войска.

Верный последователь своего учителя, талантливый организатор и военный деятель, М. Дорошенко вписал в реестр лишь опору покойного гетмана – «значительных», «степенных» зажиточных казаков, имевших земли и большое хозяйство. Эти люди и прежде желали спокойных лет, когда можно заниматься хлеборобским трудом, и не хотели конфликта с польскими властями. В будущем они нередко присоединялись к походам запорожцев на Турцию и Крым, но на борьбу с поляками поднимались лишь в случае, когда затрагивались их права и вольности или во время больших казацких восстаний – в эти минуты все казачество чувствовало единство судьбы и тревогу за Украину.

Все остальные казаки были объявлены «выпищиками», их лишали привилегий казацкого сословия и фактически уравнивали в правах с крестьянами и мещанами. Это не могло не возмутить казацкую массу – вне реестра остались тысячи заслуженных профессиональных воинов, много богатой старшины, десятки молодых отчаянных казацких лидеров. Большая часть этих людей в тот момент решила избрать не крестьянский или мещанский, а привычный свободный казацкий путь и ушла в степи Запорожья. И. Крипякевич по этому поводу отметил: «Запорожье опять зароилось от людей, Сечь снова выбилась в силу, набрала значения, стала центром независимого казачества. Небольшая залога (гарнизон – авт.) реестровых, стоявшая на коше, не могла дать им толку. Впрочем, и реестровые сочувствовали своим недавним товарищам» [3, с. 191] (Пер. авт.).

По нашему мнению, очередная попытка польских властных элит посредством директивных решений приглушить свободолобивую инициативу казачества привела к противоположным результатам. Казацкие настроения приобрели выраженную антипольскую окраску. Рядовая казацкая масса, которую составляли выходцы из социальных низов, дышала с народом одним воздухом и думала синхронно с ним. Быстро выделилась и заняла ведущие позиции в казацкой среде новая патриотическая старшинская элита (державшаяся до этого в тени последователей мирных отношений с Польшей), которая главной задачей казачества видела освобождения Украины от социального, национального и религиозного гнета.

Как и ранее, состав элиты пополняли потомки небогатых шляхетских семей, родители которых в условиях чужеземного пресса сохранили родной язык, украинские национальные традиции. На Сечи появилась украинская молодежь из шляхты, которая имела хорошее «братское», а иногда и университетское образование. Бок о бок с нею стояла старшина из казацких низов, закаленная, авторитетная и патриотически настроенная. Такая Сечь, вопреки польским планам, не падала, а расцветала. Не за горами были и вооруженные выступления, которые дали выход освободительной энергии.

Мир Польши с Сечью длился 5 лет – в этот период Запорожье набирало силу и военную потенцию в привычных морских и пеших походах на Крым. В 1625–1628 гг. в этих кампаниях особенно отличился гетман М. Дорошенко, который водил в них реестровых казаков вместе с «выпищиками». Идя, по своему обычаю, впереди войска, М. Дорошенко погиб от вражеской пули под Бахчисараем.

Толчком к молниеносному развитию новых освободительных повстанческих выступлений Запорожья стало возобновление польско-шведской войны 1626–1629 гг., повлекшее за собой увеличение казацкого реестра. Опять в него вошли не все, вспыхнули старые обиды, кристаллизовалась главная текущая цель запорожской старшинской элиты – вернуть военные привилегии и вольности всему казачеству, сделать центром его Сечь, а не волости, вообще отменить королевский реестр [3, с. 191], вносящий раздор в казацкую семью. Вслед за первоочередными задачами на горизонте теперь вырисовалась цель политическая, освободительная. Казацкие восстания, перераставшие в полномасштабные народные войны, шли в 30–40 гг. XVII в. почти непрерывной цепью.

В марте 1630 г. началась война с Польшей 10 тыс. казаков под предводительством гетмана Т. Трясило. Впервые в практике казацких старшинских элит гетман обратился с универсалами не только к действующим казакам, а призывал «всех, кто был когда-либо казаком и кто хочет им стать сражаться за веру и давние вольности» [1, с. 185]. В следующем универсале цели казачества трактовались уже с широких политических позиций: Т. Трясило «написал Украине и остальной Руси всей, чтобы все, кто веры греческой, шли к Войску Запорожскому и защищались против ляхов» [4, с. 29]. Призывы упали на подготовленную почву – откликнулись и «выпищики», и «показаченные» крестьяне и мещане. При подходе к Корсуню на сторону запорожцев перешли реестровцы города. Противостояние с правительственными войсками продолжалось больше месяца, три недели шли ожесточенные бои, но закончилось оно ничем – 8 июня в Переяславе подписан был мир и амнистия казакам.

В 1632–1634 гг. Польша вела очередную войну с Россией, король Владислав вновь распорядился расширить реестр, и более 20 тыс. казаков помогли Речи Посполитой вернуть Смоленск, Новгород-Северскую и Черниговскую земли. Однако Сечь продолжала кипеть, антипольские настроения как среди элит, так и в рядовом казачестве росли. Наряду

снеутомимым Т. Трясило появились другие лидеры, которые ждали повода и момента для следующих восстаний.

В этот период стал развенчиваться казацкий миф о «добром короле». Польские властные элиты вот уже на протяжении долгих семидесяти лет никак не могли серьезно воспринять политических и религиозных требований элит казацких. Теперь же в сознании казачества произошел важный перелом, на который первыми обратили внимание В.А. Смолий и В.С. Степанков: казаки окончательно убедились, что «властитель Речи Посполитой является собственно польским, а не украинским / русским королем, а следовательно верная служба ему возможна только при принесения королевской присяги соблюдения «прав и вольностей русского народа» [5, с. 237].

Нам кажется, что процесс переосмысления старшинской элитой своего места в политической системе польско-литовского государства, и самой целесообразности пребывания в нём Украины, завершился на Сейме 1632 г., который, с нашей точки зрения, стал решающей точкой мировоззренческого поворота в сознании казачества. Добиваясь на этом Сейме уравнивания своих прав со шляхтой, старшинские элиты выдвинули предложение о предоставлении им права от имени Войска Запорожского участвовать в избрании короля. Но старшинских послов попросту высмеяли, а затем и «раскритиковали за то, что казаки посмели назваться «такими же членами Речи Посполитой», как шляхта и «сильно обругали» за стремление к участию в элекции» [6, с. 142-144; 150]. Стало окончательно ясно, что в польском государстве при существующих политических традициях и системе власти, казачество как самостоятельная политическая сила перспектив не имело.

Казацкая военно-политическая элита издавна воспринимала Запорожье и контролируемые им территории как своеобразное общее достояние, которое стало для каждого казака дорогим и родным местом настоящей свободы и воли – «Казацкой Украиной». Её они честно завоевали саблями, собственной кровью и заслугами, – поэтому так остро реагировало казачество на попытки Польши установить собственные порядки на Поднепровье.

С начала века Запорожскую Сечь большинство соседей дальних и ближних воспринимали как отдельное государство. Так оно, де-факто и было: стараниями многих поколений казацкой элиты Сечь нарастила большинство атрибутов государства: собственную территорию, границы, армию, право, дипломатию и место в международной системе отношений. Глубинные же ее атрибуты – национальный язык, культура и религия служили казачеству опорой всегда. Украинские интеллектуалы вооружили военно-политическую элиту национальной идеологией, патриотической по своей сути, восходящей корнями к славным киеворусским временам. Однако польские правящие круги упорно не принимали реальную картину вещей: с точки зрения идеологов и исполнителей имперской программы Польши украинские земли были стратегически важными «кресовыми» (пограничными) территориями и не менее важным экономическим активом.

Почувствовав опасность новых восстаний, в 1335 г. Сейм принял в отношении казачества новую жесткую резолюцию и ввел на Поднепровье «кварцяные» войска. Для контроля над Сечью молниеносно была построена польская крепость Кодак над первым из Днепровских порогов, которую вскоре так же молниеносно уничтожил, возвращаясь из похода, Иван Сулима: запорожцы прекрасно поняли символику этого правительственного жеста. Отряд И. Сулимы был оцеплен, запорожцев заставили выдать старшину. Руководители акции были четвертованы в Варшаве. Павел Бут, по просьбе коронного канцлера Т. Замойского [1, с. 187], учитывая прошлые заслуги перед Короной, был помилован. Он выжил, но головы не склонил.

В июле 1637 г. Войсковая рада избирает П. Бута (Павлюка) гетманом, и он поднимает новое восстание. На этот раз реестровое казачество осталось верным присяге, выступив на стороне королевских войск под руководством коронного гетмана Н. Потоцкого. Казаки имели значительные (23 тыс.), однако слабо вооруженные силы, всего 8 орудий, но чрезвычайно высокий боевой дух. Судя по тому, что часть шла в бой с «самопалами, другие же имели только рогатины, косы, топоры» [3, с. 196], к сечевикам присоединились и крестьяне. Восстание в схватке с регулярной польской армией, в которой преобладали конные драгуны при поддержке артиллерийского полка, перспектив не имело. Выступление было жестоко подавлено, казацкие силы рассеяны, вожди восстания Томиленко и Бут

казнены. Та же участь постигла и последующие попытки казаков доказать свое право на существование – а вопрос в этой войне стоял теперь именно так, – вооруженных антипольских выступлений гетманов Д. Гуни, Я. Острянина, полковников К. Скидана и Б. Кизима, действовавших отдельными повстанческими отрядами.

Следует отметить, что жертвы мощной волны казацких восстаний 30–40 гг. XVII в. не пропали напрасно, положив начало следующему этапу эволюции мировоззренческих позиций казацких властных элит. В процессе ряда кровавых войн с Польшей они поднялись над проблематикой узко сословных интересов, чисто казацкой судьбы и будущего Казацкой Украины, выйдя на новый уровень понимания того, что дело идет о выживании нации.

Эволюция политических позиций – от сословных требований к национально-освободительным, иллюстрируется достаточно отчетливо.

К примеру, в октябре 1637 г. полковник К. Скидан титуловался «опекуном всей Украины» [7, л. 326] и в одном из универсалов обращался не только к казакам («обществу нашему»), но и ко всем «посполитым людям» [7, л. 327] – на этот факт также впервые обратили внимание авторы «Истории украинского казачества» В.А. Смолий и В.С. Степанков [5, с. 234]. По утверждению И. Иванцова, Д. Гуня (Павлюк) в письме от 9 июля 1637 г. высказал «мысль о свободной и отдельной жизни казачества (это значит, и крестьянства, ибо Павлюк реестра не признавал, а считал казаками все население, которое скапливалось вокруг Запорожья)» [8, с. 109-110; 5, с. 234] (Пер. авт.). В письме к коронному гетману С. Конецпольскому Д. Гуня и другие руководители восстания среди основных его причин назвали «тяжкий плач и стон бедных людей ...» [7, л. 312]. Свобода Украины на этом, начальном этапе борьбы виделась казацким вождям в обретении широкой автономии в составе Польско-Литовского государства.

Эту перемену в сознании старшинской элиты четко уловил коронный гетман С. Потоцкий, проводивший переговоры по итогам восстаний с созванной по этой причине казацкой Радой в урочище Маслов Став. Можем предположить, что не без политического влияния Н. Потоцкого в Сейме и его тревожных писем королю [9, с. 15] и родилась знаменитая «Ординация» 1638 г. Этим постановлением Польша официально поставила Сечь вне закона и, развернув волну кровавых репрессий, таким образом раз и навсегда надеялась закрыть «казацкий вопрос».

Но прошло незначительное по историческим меркам время – 10 лет, в течение которых Украина выдержала натиск жестокой реакции, и на политической арене появилась фигура Б. Хмельницкого, который поднял волну Освободительной войны украинского народа, которая не только в конечном итоге привела к исчезновению Речи Посполитой как государства, а и перекроила всю карту Европы.

Заключение. Таким образом, к середине XVII в. в среде казацкой старшинской элиты сформировалась концепция украинского государственного автономизма, с которой был прекрасно осведомлен вождь нового казацкого восстания Б. Хмельницкий – опытный и авторитетный в Запорожье лидер, который в свое время скреплял в качестве войскового писаря своей подписью Куруковский мир 1625 г. Эта концепция выражала уже не только интересы самого казачества, а отражала стремление народа – молодая украинская нация определенно подавала внутренние и внешние импульсы своим элитам к государственной организации.

Примечания:

1. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. / Н.М. Яковенко. Київ: Генеза, 1997. 380 с.
2. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. / Макарий // Книга VI. М., 1996.
3. Крип'якевич І. Запорозьке військо. / Історія українського війська. // Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. та ін. Львів: Світ, 1992. 712 с.
4. Мицик Ю. До історії повстання 1630 рр. // Пам'ять століть. К., 1997. №3. С. 29.
5. Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / Редкол.: В. А. Смолий (відп. ред.) та ін. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. Т. 1. 800 с.
6. Грушевський М. С. Історія України-Руси. / М.С. Грушевський // Т. VIII. Ч. I. С. 142–144, 150.
7. Історичні раритети НБУ. Ф. II. Спр. 13402. Арк. 312, 326, 327.

8. Іванцов І.О. Повстання українського народу проти шляхетської Польщі. 1635–1638 рр. / І. О. Іванцов. К.:Академперіодика, 2002. С. 85-214.

9. Воссоединение Украины с Россией: Док. и материалы: В 3 т. Т. 2: 1648–1651 / АН СССР. Институт истории; АН УССР. Институт истории; Редкол.: П. П. Гудзенко и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 559 с.

References:

1. Yakovenko N. The outline of the history of Ukraine from the ancient times till the end of the XVIII century. / N. M. Yakovenko. Kyiv: Geneza, 1997.

2. Makariy (Bulgakov). The history of Russian Church. / Makariy. Book VI. M., 1996.

3. Krypjyakevych I. Zaporozhska army. / The History of Ukrainian forces. // Krypjyakevych I., Gnatevych B., Stefaniv Z. and others. Lviv: Svit, 1992. 712 pages.

4. Мусык У. Before the history of rebellion 1630-ies. / У. Мусык // The memory of centuries. 1997. №3. P. 29.

5. The history of Ukrainian Cossacks: Outlines: in 2 Volumes. / Editorial staff: V.A. Smoliy and others. K.: Publishing house «Kyevo-Mogylyanska academy», 2006. V.I. 800 p.

6. Grushevsky M. S. The History of Ukraine-Rus. / M. S. Grushevsky. V.VIII. Part I. P. 142-144, 150.

7. Historical rarities of NBU. F.II. Spr.13402. Ark. 312, 326, 327.

8. Ivancov I.O. The rebellion of Ukrainian nation against Poland. 1635-1638-ies. / I.O. Ivancov. K.: Akademperiodyka, 2002. P. 85-214.

9. The reunification of Ukraine and Russia: Doc. and materials: V.II: 1648-1651 / AN USSR. The Institute of History; AN USSR. The Institute of History; Editorial staff: P.P. Gudzenko and others. M.: Publishing house AN USSR, 1953. 559 p.

УДК 94

Эволюция мировоззренческих и политических позиций старшинской элиты во время казацких войн с Польшей 20–40 гг. XVII в.

Игорь Анатольевич Мельничук

Житомирский национальный агроэкологический университет, Украина
10002, г. Житомир, Старый Бульвар, 8
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы причины и последствия постепенной эволюции мировоззренческих и политических позиций старшинской элиты в ходе войн Войска Запорожского с Польшей в 20–40 гг. XVII в.: от позиционирования себя в качестве особой социальной группы и воинской касты в составе Речи Посполитой до осознания им своей освободительной миссии и формирования автономистской идеологии и политики.

Ключевые слова: старшинская элита; казацкие войны; автономия; политические позиции; мировоззрение.